

М. А. Тарасов

Православное христианское общество как альтернатива Миссионерскому обществу в Петербурге (60-е гг. XIX в.)

DOI: 10.24411/1814-5574-2020-10050

Аннотация: Данная статья представляет собой аналитический обзор одного из проектов, формировавшихся в 60-х гг. XIX в. с целью финансировать православное миссионерство. После кратких предварительных замечаний автор подробно разбирает проект Православного христианского общества. Этот документ представляет собой подробный устав церковно-общественной организации, которая на высоком общегосударственном уровне планировала финансировать разнообразные миссионерские начинания. Последовательно раскрываются цели создания организации, ее планы деятельности и административное устройство. В документе не указана дата его создания и авторство, потому подробный анализ содержания необходим для определения места этого проекта в истории формирования централизованного финансирования миссионерства. Также анализируется возможное взаимовлияние проекта ПХО и МО в Петербурге. Подводя итог, автор указывает, что проект ПХО является «светской» альтернативой МО, созданной как следствие конфликта в МО и переноса центральной миссионерской организации в Москву. В завершение делаются общие выводы по исследованию проектов, шедших параллельно с оформлением Центральной миссионерской организации в России.

Ключевые слова: Великие реформы, Миссионерское общество, Православное христианское общество, духовные миссии, финансирование миссионерства, церковная благотворительность, церковно-общественная организация, М. Сиренков, А. Г. Мальков.

Об авторе: **Максим Алексеевич Тарасов**

Магистр богословия, аспирант Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: pack22@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5226-4249>

Ссылка на статью: Тарасов М. А. Православное христианское общество как альтернатива Миссионерскому обществу в Петербурге (60-е гг. XIX в.) // Христианское чтение. 2020. № 3. С. 104–115.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3

2020

M. A. Tarasov

The Orthodox Christian Society
as an Alternative to the Missionary Society
in St. Petersburg (in the 1860s)

DOI: 10.24411/1814-5574-2020-10050

Abstract: This article is an analytical review of one of the projects that took shape in the 1860s in order to finance Orthodox missionary work. After brief preliminary remarks, the author analyzes in detail the proposal of the Orthodox Christian Society. This document is a detailed charter of this church-public organization, which at a high national level planned to finance a variety of missionary undertakings. The goals of creating the organization, its activity plans and administrative structure are subsequently revealed. The document does not indicate the date of its creation and authorship, therefore, a detailed analysis of the content is necessary to determine the place of this project in the history of the formation of centralized financing of missionary work. It also analyzes the possible mutual influence of the projects of the Orthodox Christian Society and the Missionary Society in St. Petersburg. Summing up, the author points out that the project of the Orthodox Christian Society was viewed as a “secular” alternative to the Missionary Society, created as a result of the conflict in the Missionary Society and the transfer of the central missionary organization to Moscow. Finally, general conclusions are drawn on the study of projects that went along with the design of the Central Missionary Organization in Russia.

Keywords: Great Reforms, Missionary Society, Orthodox Christian Society, Spiritual Missions, Missionary Financing, Church Charity, Church Public Organization, M. Sirenkov, A. G. Malkov.

About the author: **Maxim Alekseevich Tarasov**

Master of Theology, Graduate Student at St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: pack22@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5226-4249>

Article link: Tarasov M. A. The Orthodox Christian Society as an Alternative to the Missionary Society in St. Petersburg (in the 1860s). *Khristianskoye Chteniye*, 2020, no. 3, pp. 104–115.

Центральная миссионерская организация в России стала частью исторического процесса в 1865 г., когда в Петербурге было создано Миссионерское общество¹ [Тарасов, 2019а]. События в МО в 1866–1869 гг. наглядно показали двойственное отношение петербургской образованной интеллигенции к церковным предприятиям. Вдохновленная как стремлением помочь Церкви, так и прогрессивными просветительскими идеями, светская общественность стремилась участвовать не только в богослужениях и благотворительности, но и в управлении церковными институтами. У одних это были просто романтические мечтания, связанные с вдохновляющими переменами эпохи Великих реформ, у других — откровенно антицерковные настроения. На этом фоне и появлялись многочисленные проекты церковно-общественных организаций. Такие инициативы со стороны светских деятелей были, как правило, связаны с благородными патриотическими идеями — укрепить государство, поднять культурный уровень народа, помочь нуждающимся; со стороны же духовенства — со стремлением активизировать проповедь и решить многочисленные материальные проблемы.

В предыдущих статьях мы рассматривали как саму попытку создать Санкт-Петербургское православное церковное братство [Тарасов, 2019б], так и его связь с дальнейшей деятельностью МО [Тарасов, 2019в]. Еще одной крупной по своим задачам церковно-общественной идеей эпохи стало Православное христианское общество.

Данная публикация будет полностью посвящена анализу «Проекта устава Православного Христианского Общества» (РО ИРЛИ. Ф. 34. № 413. Л. 1–16).

В процессе работы с материалами нами было обнаружено близкое сходство проекта ПХО с несохранившимся проектом «Общества попечительства об азиатских инородцах», которое планировали создать бывшие члены МО (Деятельность, 1869, 1–2), а значит, ПХО — альтернативный проект ПМО со стороны петербургской верующей интеллигенции, что подтверждается отсутствием в уставе ПХО словосочетаний типа «миссионерское общество», хотя речь идет и об обществе, и о миссионерстве. Это была попытка организовать на высоком уровне так называемое светское миссионерство, или миссионерство мирян, с минимальным участием церковного руководства и с явным политическим и социальным уклоном. Проект ПХО — крупнейший документ, отражающий идеи «светской партии» МО в ближайшие после его упразднения годы, потому важно проанализировать его содержание в контексте событий в МО.

Проект, как и документы о Братстве, хранится в личном архиве С. А. Бурачка, а значит, был известен инициаторам Братства. При этом сразу оговорим, что между проектом Братства и ПХО нет существенного содержательного сходства, поскольку основные цели у них различны. На первый взгляд может показаться, что проект ПХО — один из вариантов устава МО, как мы предполагаем в нашей предыдущей статье, однако тщательный анализ документа показывает его близость к Туркестанской местности, на которую светские деятели бывшего МО обратили свое внимание. Хотя в документе отсутствует дата создания, как и дата составления к нему комментария титулярным советником Михаилом Сиренковым, мы можем примерно датировать его 1869–1870 гг. Вероятнее всего, проект создан в Петербурге, поскольку именно сюда присылал письма бывшей член МО Е. Быков со своими предложениями по «Обществу попечительства об азиатских инородцев», именно в Петербурге впервые о нем заявили публично в периодической печати (Деятельность, 1869, 1–2). Да и идею подобного масштаба рациональнее всего реализовывать в столице.

В документе не указан автор, но совокупность фактов показывает, что проект был создан человеком, знавшим об А. Г. Малькове. Во-первых, данный проект обнаружен в личном архиве С. А. Бурачка, который до этого в МО пылко поддерживал барнаульского купца. Во-вторых, на это указывает § 43 устава, где прописываются права и обязанности неких светских попечителей ПХО. Благодаря своей деятельности в 1864 г. Мальков смог добиться звания попечителя Улалинской женской общины

¹ В статье используются следующие сокращения: Миссионерское общество (1865–1869) — МО, Православное миссионерское общество (1870–1917) — ПМО, Санкт-Петербургское православное церковное братство — Братство, Православное христианское общество — ПХО.

и Благовещенского монастыря, а с марта 1866 г. ему будет предоставлено Советом МО неоднозначное звание «попечителя Алтайской миссии и неперменного члена Совета МО», которого он был лишен в конце 1868 г. Реальное положение А. Г. Малькова в МО соответствует общим рамкам, прописанным в упомянутом параграфе ПХО.

Документ по содержанию является вариантом проекта центральной миссионерской организации, однако с более широкими полномочиями, чем это реализовалось в рамках МО. Текст проекта не имеет разделов, потому некоторые параграфы расположены без тематической последовательности. Весь проект, и особенно первые параграфы, насыщены общими фразами о «соединении членов в Церкви Христовой», о собрании христиан «по слову Иисуса Христа, обещавшего быть там, где два или три собраны во имя Его», о собрании «учеников Спасителя под знаменем Креста Господня», о содействии в «апостольстве сподвижнику Христову». Можно предположить, что автор был вдохновлен церковной риторикой, однако обширные проповеднические фразы в проекте устава выглядят несколько неуместно. Комментаратор М. Сиренков добавляет еще больше подобных выражений, что наталкивает на мысль, что все они имеют целью подчеркнуть церковный характер организации.

Такая риторика говорит о попытке сделать этот текст предельно церковным, православным, чтобы устав ПХО воспринимался читателями как нечто православное и необходимое Церкви. Доказывать важность общественного формата для церковных организаций — типичная риторика всех рассматриваемых нами проектов, поскольку их составители, как правило, не принадлежали сами к духовенству, в одобрении которого нуждались. Не зря комментатор указывает, что «были какие-то противодействия в православной среде, считали такое общество неблагоугодным Богу» (§ 2), и, скорее всего, возражения, как и в случае с Братством, исходили от духовенства. Потому и пытались расположить к себе духовное сословие, если не содержательно, то хотя бы лексически. Таким образом, комментатор проекта является его апологетом, а не критиком, и мы можем рассматривать его комментарии как уточнения к самому проекту, так как высказаны они единомышленником.

Переходя к тексту самого проекта, начнем с целей ПХО и предполагавшихся сфер деятельности². Организация планировалась «для распространения христианства между иноверческими племенами России и для укрепления его в народе путем образования, т. е. грамотности, необходимого знания Св. Писания и христианского благочестия...» (§ 1). ПХО следовало противодействовать не только иноверию, но и безбожию, т. е. невежеству. «Ежели невежественный христианин есть больной член Церкви Христовой, то в то же [время], он не только больной, но и вредный член государства», — пишет М. Сиренков. По его мнению, после освобождения крестьян их просвещение является обязательным, при этом ставятся в пример крестьяне Финляндии (§ 1).

Как мы видим, проект посвящен миссионерству в самом широком смысле, когда целью поставлено фактически все население империи, и эта линия проводится на протяжении всего устава как его автором, так и комментатором. Столь широкий круг деятельности свидетельствует о близости по духу идеологов Братства и ПХО. Примечательно соединение понятий «безбожие» и «невежество», ведь такие взгляды, очевидно, не были широко распространены в светском обществе исследуемого периода, устремленного к прогрессивным просвещенческим идеям.

«Долг П. Х. Общества — разумными путями централизовать благостыню мирян и умно направлять ее на укрепление немощных, но живых сил подвижников апостольства» и «быть правильным и разумным посредником между частною милостынею и общинною христианскою нуждою» (§ 2, 3). Эти слова комментатора указывают на финансирование миссионерства, но нет важного уточнения — о финансировании именно духовных миссий, без чего миссионерством можно назвать любую церковную проповедь.

² Вместо ссылок на конкретные листы указываются параграфы проекта (РО ИРЛИ. Ф. 34. № 413. Л. 1–16).

ПХО «принимает на себя обязанность» учреждать и содержать монастыри, скиты, церкви, духовные миссии и при этих учреждениях училища и благотворительные заведения. При этом все нужно делать экономно и только при насущной необходимости, без «многоязычной архитектурной красоты», а училища поддерживать только там, где нет других подобных заведений (§ 5). Как мы видим, вопрос финансирования духовных миссий вновь включен в состав более широких задач, однако комментатор красноречиво уточняет этот параграф: «Духовные миссии от правительства носят на себе характер официальности, власти и политического значения; в частных же больше кротости, смирения, самоотвержения и преданности о своей участи Промыслу Божию» (§ 5). Комментатор не дает четкого определения, какие миссии он считает «миссиями от правительства», а какие «частными миссиями», но естественно предположить, что в первом случае речь идет о духовных миссиях, учрежденных и учреждаемых тогда Св. Синодом. Таким образом, идеологи ПХО не только не имели основной целью финансировать профессиональное миссионерство, но и ставили под сомнение целесообразность такого распределения пожертвований.

Инициаторы ПХО планировали заниматься поиском благонадежных кандидатов в миссионеры, «рекомендовать их начальству», отправлять на служение Слову Божию (§ 8). В параграфе не уточняется, о каком именно начальстве идет речь, но имеется в виду Св. Синод, которому подчинялись миссионеры. Примечательно, что 8 декабря 1866 г. Совет МО предпринял попытку влиять на кадровую политику Св. Синода в отношении миссий, аккуратно попросив «при назначении миссионеров спрашивать мнение Совета Миссионерского общества, а равно принимать в уважение рекомендации его и даже самое предложение при выборе лиц в эти звания», на что получил решительный отказ (Записки МО, 1867а, 49–50). При этом Совет МО, публично поддерживая А. Г. Малькова, неоднократно свидетельствовал, что миряне могут быть не менее успешны в качестве миссионеров, чем духовенство. Таким образом, стремление инициаторов ПХО, которые были светскими лицами, «рекомендовать начальству» миссионеров могло и в этом случае вызвать вопросы.

Организация должна была строить особые высшие духовные училища на Амуре и Сырдарье под непосредственным ведением местных архиереев, в которых готовились бы миссионеры, чтобы восполнять необходимость ПХО в священно- и церковнослужителях, знающих язык и обычаи своей паствы (§ 6). Стоит обратить внимание на указанные реки, потому что это единственная в уставе ПХО географическая привязка, связывающая, между прочим, этот проект с идеей «Общества попечительства об азиатских инородцах». Указываются реки в самых отдаленных и слабо освоенных территориях империи, что и является критерием для авторов. Не благоприятные условия для миссии стали критерием выбора территории, как то: наличие там миссионеров, заинтересованность архиерея, одобрение местных властей, хорошее сообщение с Центральной Россией, количество некрещенных язычников и их отношение к христианству; а лишь приграничная значимость территорий. В этот период в Туркестанском крае только-только формировались церковные учреждения, и в сентябре 1866 г. была организована общероссийская подписка на постройку храмов хотя бы для русских переселенцев на этих территориях (Записки МО, 1867а, 58). Широкое же миссионерство имело препятствие в лице местных военных властей, предпочитавших строить церкви для русских, но не нагнетать конфликты с местными мусульманами и другими иноверцами, которые лишь привыкали к жизни в русском подданстве. При акценте на столь отдаленные территории Алтайская или Забайкальская миссии, ставшие главными бенефициариями МО, не упоминаются, что вновь показывает незаинтересованность автора в поддержке профессионального миссионерства.

Если же говорить об идее создать специализированные учебные заведения для миссионеров, то в середине 60-х гг. она была в высшей степени актуальной, хотя и несколько преждевременной. У многих миссионеров по стране не было обеспечения хотя бы на уровне «прожиточного минимума». В крупнейшей Алтайской миссии только-только зарождались элементарные школы для новокрещенных, а духовенство

не желало ехать трудиться в далекие сибирские края. В первой половине 60-х годов была предпринята неудачная попытка открыть большой миссионерский институт в Новгородской губернии по инициативе митр. Григория (Постникова). В последующие годы эта тема многократно подымалась миссионерами, но миссионерские кадры продолжали пополняться за счет выпускников обычных духовных учебных заведений, которые проходили практику уже на местах или за счет самих новокрещенных, большинство из которых получали образование в самих миссиях. Высшее миссионерское учебное заведение, несмотря на многочисленные попытки, так и не было создано в Российской империи [Ястребов, 1895].

Под учебные заведения и другие учреждения ПХО просило бы у правительства участки и угодья из свободных казенных земель (§ 7). Земельные запросы отражают некоторое дерзновение составителя. Несмотря на обширность территории государства, земельный вопрос для России всегда был болезненным, и ситуация особенно обострилась после освобождения крестьян 19 февраля 1861 г. В тот период необходимо было иметь хороших ходатаев в правящих кругах, чтобы добиться выделения какого бы то ни было участка. Миссионерам приходилось прилагать заметные усилия, чтобы обеспечить свои заведения и подопечных земель. Огромное влияние и доверие в церковной среде к барнаульскому купцу А. Г. Малькову в начале 1860-х гг. было обусловлено как раз его умением добиться выделения земель Алтайской миссии. МО в Петербурге, во всяком случае по своему уставу, не имело никаких земель или угодий, а ПМО после 1870 г. приобретало какую бы то ни было недвижимость только после согласования со Св. Синодом.

ПХО планировало распространять русский язык среди инородцев через обычные и воскресные школы, а для «далеких инородцев» переводить церковные книги (§ 10). Организация могла бы издавать собственный журнал и иметь право на типографию (§ 32, 44). Переводы церковных книг на местные инородческие языки в те годы воспринимались как вдохновенное временное новшество. В 1864 и 1867 гг. в Санкт-Петербург приезжал иеромонах Макарий (Невский) для издания первых богослужебных книг на алтайском языке (Марков и др., 2004, док. № 128, 132). Это поспособствовало распространению идей переводов богослужебных текстов на инородческие языки в петербургском обществе.

В уставе прописывалась возможность ходатайствовать о перенесении на Амур 12 мощей угодников из Киево-Печерской лавры, которые, как апостолы, укрепили бы миссионеров и новую паству (§ 33). Такая конкретизация на частных мероприятиях смотрится в проекте устава неуместно, хотя сам по себе вопрос, безусловно, имел бы важное религиозное значение. Это положение выявляет юридическую непродуманность и незаконченность данного проекта. Как мы видим, в своих первоначальных целях и задачах ПХО было в целом более скромным, чем Братство.

Предложенное административное устройство ПХО выглядело следующим образом. ПХО должно было стать собранием христиан духовного и гражданского звания, которые «образуются в Правление, Совет и Общее собрание своих членов... ревнующих под руководством Св. Синода и наблюдением местных архиереев» (§ 2). Такая общая схема управления несколько отличается от той, которую мы рассматривали в проекте устава Братства, потому что предполагает явное подчинение церковным властям. Она почти полностью соответствует исторически сформировавшемуся и доказавшему свою жизнеспособность формату, реализованному в ПМО после 1870 г. Однако, если обратиться к деталям, то устройство на самом деле более похоже на систему, предложенную в Братстве. Действия ПХО подчинялись бы «обсуждению и бдительному надзору Св. Синода и свободной гласности его членов пред всем православным народом» (§ 4). Ежегодная отчетность перед Синодом должна была осуществляться как по духовной, так и по государственной линии, т. е. докладывали бы о распространении грамотности и обо всех заведениях (§ 11). От Синода в правление назначается человек, который «в качестве прокурора наблюдает со стороны правительства, смотрит за ходом дел и исполнением устава» (§ 23). При этом в хозяйственном отношении

ПХО «находится в полной независимости» от него и контролируется особой комиссией, ежегодно избираемой Собранием его членов (§ 12).

Примечателен комментарий к 11-му параграфу. «Общество представляет собой, с одной стороны, жертвователя — всегда свободного в своей милостыне, и, с другой, труженика — законом и уставом контролируемого и управляемого, должно бы считаться совершенно независимым учреждением. Но чтобы не нарушать порядка администрации — дорогой гражданину, и соблюсти единство, благословляемое Церковью, оно обязывается означенными отчетами пред Св. Синодом и подчиняется ему в духе христианской кротости» (§ 11). Выстроенная схема на самом деле указывает на упомянутую нами в начале статьи двойственность отношения высшего петербургского общества к духовенству. На первый взгляд это положение вызывает симпатию, ведь формально учитываются интересы и Церкви, и активных мирян. Однако «бдительный надзор», «наблюдение», «покровительство» Святейшего Синода или архиереев на деле представляли собой лишь фикцию, если с церковной стороны не было фактического контроля над кадровой политикой. Апелляция «ко всему православному народу», т. е. к общественному мнению, на практике была удобным демократическим конструктом, который при соответствующих навыках легко направить в нужном направлении. Так, например, во время выборов в совет МО 27 февраля 1866 г. С. А. Бурчак смог грамотно воспользоваться обстановкой общего собрания и голословными манипуляциями склонил общественное мнение к тому, чтобы в новый состав совета не вошли купцы и духовные лица, несмотря на присутствие духовенства, в том числе Петербургского митрополита Исидора (Никольского) [Ястребов, 1898, 108].

Внутреннее управление хотели структурировать следующим образом. Во главе ПХО стоял бы назначаемый императором первоприсутствующий, а его помощник избирался бы уже общим собранием, при этом они оба имели бы право состоять как в совете, так и в правлении (§ 14). Весьма примечательно, что организация планировала оставить себе возможность апеллировать к высшей власти, к императору, что в 1869 г. и делал Н. С. Голицын, когда стал на путь конфронтации со Св. Синодом (Отчет МО, 1869, 27–28, прил. 8).

Общее собрание — высший орган управления, правление — исполнительный орган, а совет — лишь совещательное присутствие, выступающее с предложениями (§ 21). Общее собрание как главный орган избирало бы из своей среды правление (§ 20), определяло бы число членов во всех подразделениях и избирало их (§ 22, 24), назначало бы ревизионную комиссию (§ 42). Предполагались обыкновенные и экстренные общие собрания (§ 34). Правление, которое состояло бы из лиц обоего пола, самостоятельно избирало бы штат канцелярии, который «представляет Синоду» (§ 25, 26). Время заседаний предполагали установить по правилам присутственных мест или же согласно порядку других благотворительных учреждений по необходимости (§ 29, 40). Во всех органах решения принимались бы большинством голосов (§ 39). Правление должно было за два месяца до собрания представлять общему собранию отчеты, сметы и проекты (§ 30, 31).

Следующий параграф, как мы указывали в начале статьи, имеет принципиальное значение. «Правление избирает из числа членов Общества попечителей для ближайшего содействия и точнейшего наблюдения за исполнением распоряжений Правления, Совета и Общего Собрания. Сроки их службы не определяются, и они считаются в Составе Правления для пользования за свои труды приличными от Правительства наградами. Во время их пребывания в Санкт-Петербурге заседают в Правлении Общества с правом голоса» (§ 43). Возможно, автором этого положения был либо сам А. Г. Мальков, либо его близкий единомышленник, потому что именно такими полномочиями он самовольно пользовался, находясь в Алтайской миссии после учреждения МО. Он был «непременным членом Совета», доносил и клеветал в совет МО на алтайских миссионеров, распоряжался общественными суммами, смастерил себе печать. К тому же он был одним из учредителей «Общества попечительства об азиатских инородцах», как свидетельствует его собственное объявление

на Нижегородской ярмарке (НЯСД, 1869, 1–2). Составители проекта знали о происходившем в МО, и в частности о Малькове, и решили использовать такую схему попечителей-ревизоров в своем проекте. Подобные светские ревизоры создавали проблемы духовным миссиям, поскольку в силу своих секулярных взглядов обращали внимание лишь на неудачи миссионерской работы среди инородцев, как сделал, например, ревизор председатель виленских соединенных палат Перфильев, представивший императрице и общественности крайне предвзятую ревизию Забайкальской духовной миссии в 1870 г. (Отчет ПМО, 1871, 22).

Весь остальной состав общества хотели разделить на членов-покровителей, почетных членов, действительных членов и членов-сотрудников (§ 13), хотя в широком смысле «Вся Православная Россия — соборный юридический член его» (§ 18). Членами-покровителями могли быть представители императорской фамилии, а также лица, «особенно благодеющие обществу». Голос одного из них был бы равен трем в общих собраниях (§ 15). Почетные члены имели бы меньшие права, их голос был бы равен двум голосам (§ 16). Действительный же член, который должен был вносить ежегодный взнос в размере 100 руб. и выше, имел право обычного голоса (§ 17), а своевременное внесение членского взноса являлось бы обязательным условием (§ 19). Члены-сотрудники — все остальные жертвователи и работники организации (§ 18). Лица, работающие в заведениях ПХО, пользовались бы преимуществами государственных служащих, а лица, работающие в самой организации, согласно наградам и званиям получали бы от нее жалование (§ 9). Служба в ПХО должна была стать «почетной государственной службой», кто бы за нее ни платил (§ 28). Комментатор предлагал уравнивать права служащих в ПХО с правами заседающих в присутственных местах (§ 9). ПХО предполагало «предписывать», о ком молиться в подведомственных ему храмах (§ 18).

Финансовая сфера лишь поверхностно оговаривалась. Как благотворительная организация, ПХО имело право принимать любые добровольные пожертвования (§ 47), а свечной сбор с храмов, подведомственных ПХО, должен был идти на нужды его собственных учебных заведений (§ 45). Как мы видим, проект предполагал возможность разделения финансового бремени между ПХО и правительством, к чему стремились и в Братстве, и в МО, и в ПМО. Когда речь идет о свечном сборе, автор по факту предлагает распоряжаться теми средствами, которыми, как правило, распоряжалось Хозяйственное управление при Св. Синоде. Здесь стоит заметить, что церковный свечной капитал находился в кредитных государственных учреждениях, и на учебные заведения можно было использовать лишь проценты с этого капитала [Римский, 1999, 140]. Десятки приходов, которые ПХО могло бы устроить в основном на отдаленных окраинах страны, не смогли бы обеспечить своим капиталом от свечного сбора даже несколько приличных учебных заведений.

ПХО планировало пользоваться бесплатной пересылкой корреспонденции (§ 41) и хотело при поддержке Св. Синода устроить во всех церквях кружки для добровольных пожертвований в пользу ПХО (§ 46). Автору проекта было известно, что Св. Синод учреждает сборы на поддержку духовных миссий. Во-первых, в 1867–1868 гг. МО смогло выставить свои кружки на разных станциях железных дорог (Записки МО, 1867б, 327–330), во-вторых, с 1860 г. функционировал общецерковный сбор «на восстановление православия на Кавказе» [Беглов, 2014, 57], а с 28 августа 1864 г. была учреждена общецерковная кружка «на распространение православия между язычниками империи» (ЦЛ, 1865, 565–567). В 1869 г. средства с последнего сбора находились в распоряжении Хозяйственного комитета Св. Синода и почти не использовались. Нам пока не удалось выяснить, кто инициировал учреждение этого сбора. Возможно, это были участники МО или сам архим. Владимир (Петров), однако в документах МО нет ни одного упоминания об этом сборе. После 1870 г. в ПМО сразу начали претендовать на его использование, а значит, митр. Иннокентий (Вениаминов) в 1869 г. уже планировал его использование [Тарасов, 2019г]. Любые претензии на подобный сбор со стороны планируемого ПХО были бы безуспешны, как и попытки учредить параллельную кружку.

Инициаторы ПХО планировали открывать местные отделения организации, если количество членов в каком-нибудь из них достигло бы 100 человек (§ 35), при этом они имели бы полную финансовую самостоятельность, лишь отчитываясь перед главным отделением (§ 36). Отделения должны были находиться по возможности под руководством местных архиереев и отправлять в центральный Совет делегатов с предложениями (§ 37). Оговаривалась возможность менять устав организации (§ 48). Подобная установка в отношении местных отделений ставит под вопрос общегосударственный характер организации, потому что при полной финансовой независимости местных отделений невозможно организовать единую финансовую политику в отношении поставленных целей. Такой подход непрактичен, что вновь свидетельствует либо о некомпетентности составителя, либо о стремлении подчеркнуть демократичный характер организации. Ведущие общественно-финансовые организации периода формировали единый центр управления финансами. Помимо изучения нами ПМО и его комитетов, здесь можно упомянуть, например, Общество попечения о раненых и больных воинах (Общество Красного креста) (ПСЗРИ, 1867, 428–430).

Подводя итог анализу документа, можно сказать следующее.

Во-первых, проект ПХО, как и проект Братства, восходит к «светской партии» МО. Хотя точно определить дату составления устава не представляется возможным, он представляет собой светскую альтернативу МО после его закрытия в 1869 г. Сторонники петербургского совета МО прекратили поддерживать церковное ПМО, публично заявив о необходимости поддерживать инородцев в государственном отношении, без какой-либо очевидной православной составляющей. Вариантом такого «светского миссионерства» на общероссийском уровне стал проект «Общества попечительства об азиатских инородцах», планировавший развивать в первую очередь быт, торговлю, промышленность инородцев. По-видимому, проект не получил одобрения правительства из-за слишком широких сфер деятельности. Вследствие этого и был составлен новый проект — ПХО, более церковный лексически и менее обширный по целевой территории. Таким образом, ПХО можно назвать как альтернативой МО, так и его преемником, поскольку, отставив новый, более светский характер миссионерской организации, оно продолжало политику руководителей МО, нацеленную на отстранение духовенства от управления и финансирования в рамках благотворительных структур.

Во-вторых, несмотря на амбициозность, у проекта ПХО не было шансов на реализацию. Направленные против проекта возражения заключались в критике общественного формата организации и его широкого круга действий. С учетом общего оживленного настроения эпохи первое обвинение вызывает сомнение в его честности и, вероятно, было следствием других скрытых проблем. Второе обвинение, о широте деятельности, которое, как мы видели в случае с Братством, исходило, скорее всего, со стороны духовенства, что имело свои основания. Миссионеры добивались стабильного финансирования профессионального миссионерства, которое существовало в виде духовных миссий. Их целью было расширение православия среди инородцев, создание церковной структуры там, где ее никогда не было. «Политическое значение» миссий в сознании миссионеров было неразрывно связано с их ревностным порывом трудиться на благо святого дела. Комментарии же Сиренкова раскрывают стремление поддерживать не профессиональное миссионерство, а миссию в целом, т. е. церковную проповедь, что всегда было обязанностью рядового приходского духовенства. Некомпетентность составителей в деле миссионерства привела к тому, что как вариант МО этот проект совершенно несостоятелен, что исключало возможность поддержки его со стороны православных миссионеров. К тому же в Москве шел процесс создания ПМО, на которое возлагали основные надежды по объединению светских и церковных кругов на пользу христианизации инородцев.

Однако проект ПХО оказался не нужным и государству. Пример Общества восстановления православного христианства на Кавказе, о котором упоминали и инициаторы Братства в своих письмах (РО ИРЛИ. № 401, 143), сыграл роль катализатора,

запустившего идею создавать подобные общества для других регионов страны. Отсюда и широта планов, ведь цель — не просто проповедовать Евангелие, а укреплять империю. «Беспорно программа Общества обширна, но и велика Россия, свято ее православие и благодатен Промысл Небесный», — отвечает комментатор на обвинение в широте планов (§ 35). Однако Кавказское общество имело колоссальную финансовую подпитку со стороны императорской фамилии и высшего общества ввиду исключительного внимания к региону, который много десятилетий был погружен в кровопролитную войну. На предложенных же территориях, особенно в Средней Азии, перед правительством и местными властями стояли совсем другие задачи — сохранить религиозное равновесие в регионе с абсолютным большинством нерусского мусульманского населения. ПХО имело бы низкую результативность без обширной финансовой поддержки со стороны государства, а создавать параллельные центральные миссионерские общества, очевидно, неэффективно.

Что касается сопоставления проекта ПХО с МО, то, за исключением параграфа о попечителях-ревизорах, имеются только случайные совпадения, не позволяющие говорить о какой-либо зависимости устава МО или его деятельности от идей, представленных в проекте ПХО. Это был альтернативный вариант миссионерской организации с большим акцентом на государственное значение проекта. Если же говорить о Братстве и ПХО, то цели их довольно близки по сути, но различаются по географии и целевой аудитории. Инициаторы Братства, даже в рамках МО, продолжали беспокоиться о западном регионе России, что видно из попытки создать при МО Еврейское отделение [Тарасов, 2020], а ПХО уже сконцентрировалось на Азии, и в особенности на Туркестанском крае. Несмотря на существенное различие целей, проекты ПХО и Братства близки по своему административному устройству и стремлению распространить влияние на сферы, которые были прерогативой духовной власти.

Подводя итог нашему исследованию церковно-общественных проектов, которые могли бы стать аналогами МО, стоит обратить внимание на следующие моменты.

Составители проектов Братства и ПХО, которые планировали поддерживать миссии, считали обязательным быть включенными в церковную систему управления, хотя и пытались от нее освободиться. МО же оказалось самым радикальным в этом отношении, получив полную внутреннюю независимость от Св. Синода. Первые два проекта оказались попытками выставить светские государственные проекты как инициативу, согласную с интересами Церкви, а учреждение МО, наоборот, стало попыткой выставить церковную необходимость, а точнее заинтересованность конкретных миссионеров, как интерес светской интеллигенции, что доставило много сложностей. Один из проектов Братства можно назвать предшественником МО, потому что он использовался для составления устава МО, хотя цели этих документов существенно отличаются. Проект же ПХО был альтернативой МО и ПМО, нацеленной на расширение роли и власти мирян в организованной поддержке христианизации.

Возможным продолжением данной темы может быть системный анализ сведений о проекте «Общества попечительства об азиатских инородцах», имеющем много сходств с ПХО, а также тщательный системный анализ концепции «светского миссионерства» в контексте темы роли мирян в Церкви, через призму материалов по истории церковно-общественных организаций 60-х гг. XIX в. В завершение приведем цитату из передовой газетной статьи 1868 г., написанной одним из членов МО, она интересна для нас тем, что отражает политическую позицию как инициаторов Братства и ПХО, так и значительной части членов МО: «На западе, в иерархии римско-католической, где проповедуется непогрешимость папы, и где духовенство на самой высокой степени авторитета, и там поставлено самым папой, на основании векового опыта, что для сохранения уважения к духовенству оно необходимо должно быть удалено от всяких денежных расходов в миссионерских делах, и что правления миссионерских обществ должны состоять только из одних светских лиц, для избежания скандалов, роняющих уважение духовному сану... Было бы желательно исправление Устава Русского Миссионерского общества, с освобождением духовенства от всякой

обязанности по денежным расходам и вообще по устройству материальной миссии» (Деятельность, 1868, № 149, 595). Конфликтная ситуация в МО, что прослеживается в изученных в нашем исследовании документах, оформилась вокруг вопроса, который еще со времен спора стяжателей и нестяжателей волновал русское общество, а в синодальный период держал в напряжении церковно-государственные отношения в целом: насколько Церковь (духовенство, миссионеры) может самостоятельно распоряжаться материальными благами? Духовные миссии зародились и функционировали как духовно-материальная поддержка новокрещенных, потому изъятие какой-либо составляющей привело бы к существенному ослаблению авторитета миссионеров, а значит, и к упадку систематического миссионерства. Негативные тенденции общественных настроений были, в общем, преодолены с воссозданием МО в Москве в 1870 г. под авторитетным руководством митр. Иннокентия (Вениаминова), после чего наступил «золотой век» русского миссионерства.

Источники и литература

Источники

1. Деятельность (1868) — Деятельность. 1868. № 149.
2. Деятельность (1869) — Деятельность. 1869. № 120.
3. Записки МО (1867а) — Записки Миссионерского общества. Т. I. Вып. 3. СПб., 1867.
4. Записки МО (1867б) — Записки Миссионерского общества. Т. I. Вып. 4. СПб., 1867.
5. НЯСЛ (1869) — Нижегородский ярмарочный справочный листок. 1869. № 23.
6. Отчет МО (1869) — Отчет Миссионерского Общества за 1867 год с приложениями. СПб., 1869. 551 с.
7. Отчет ПМО (1871) — Отчет Православного Миссионерского Общества за 1871 год. Москва: Синодальная типография. 1872. 119, 103 с.
8. ПСЗРИ (1867) — Полное собрание закон Российской империи: собрание 2-е. 1867. Т. XLII.
9. РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом). Ф. 34. Оп. 1. № 401, 413.
10. ЦЛ (1865) — Церковная летопись. 1865. 25 сентября.

Литература

11. Беглов (2014) — *Беглов А. Л.* Православный приход Российской империи как объект фискальной политики светских и церковных властей в конце XIX — начале XX в. // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 2 (57). С. 56–81.
12. Марков и др. (2004) — В составе Томской губернии. История Республики Алтай в документах Государственного архива Томской области XIX — начала XX веков / Сост. В. И. Марков, Г. Д. Мартынова, Л. Н. Шарабуря. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская республиканская типография, 2004.
13. Римский (1999) — *Римский С. В.* Российская Церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1999. 568 с. (Материалы по истории Церкви. Книга 26).
14. Тарасов (2019а) — *Тарасов М. А.* Когда же была создана Центральная миссионерская организация в России? (К 150-летию открытия Православного миссионерского общества) // Труды Воронежской духовной семинарии. 2019. № 11. (В печати).
15. Тарасов (2019б) — *Тарасов М. А.* Попытка учреждения Санкт-Петербургского Православного Церковного Братства (1864–1865) // Вестник Исторического общества СПбДА. 2019. № 1. С. 192–210.

16. Тарасов (2019в) — *Тарасов М. А.* Санкт-Петербургское православное церковное братство как предшественник Миссионерского общества в Петербурге (60-е гг. XIX в.) // Христианское чтение. 2019. № 2. С. 233-247.
17. Тарасов (2019г) — *Тарасов М. А.* «Финансирование миссионерства в руках общественности». Почему Святейший Синод передал Православному Миссионерскому Обществу свои обязанности? // Актуальные вопросы церковной науки. 2019. № 1. С. 186–189.
18. Тарасов (2020) — *Тарасов М. А.* «Распространение православия между евреями имеет чрезвычайную важность». Один архивный документ об истории еврейского отделения Миссионерского общества в Санкт-Петербурге (1865–1869) // Актуальные вопросы церковной науки. 2020. № 1 (3). С. 69–72.
19. Ястребов (1898) — *Ястребов И.* Миссионер высокопреосвященнейший Владимир, архиепископ Казанский и Свяжский: Исслед. по истории развития миссионерства в России. Казань: типо-лит. Имп. Ун-та, 1898. С. 77–416.
20. Ястребов (1895) — *Ястребов И.* Вопрос об устройстве и организации образовательных заведений для приготовления православных благовестников (миссионеров). Москва: печатня А. И. Снегиревой, 1895. 120 с.